

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-46-56

Восточный Кавказ в позднем эоплейстоцене: палеогеография и археология

А. А. Анойкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Поздний эоплейстоцен (калабрий) на Восточном Кавказе соответствует апшеронскому этапу истории Каспия (~ 1,7–0,8 млн л. н.). В это время ландшафты здесь соответствовали современным открытым пространствам Африки, а палинологические данные свидетельствуют о существовании высотной поясности растительности. Животный мир характеризовал таманский комплекс, свидетельствующий об адаптации фауны степного типа к нарастающему похолоданию и увлажнению климата. В позднем эоплейстоцене на Кавказе фиксируется нескольких типов каменных индустрий – олдованская / галечно-отщеповая (акушинская и таманская группы стоянок), раннеашельская (Куртан, Мурадово (слой 3) и раннепалеолитическая мелкоорудийная. Вопрос о появлении индустрий ашельского облика на Кавказе является остро дискуссионным. Анализ данных показывает, что развитие археологических культур в эоплейстоцене на Восточном Кавказе происходило в стабильной, благоприятной природной обстановке и носило эволюционный характер.

Ключевые слова

Кавказ, эоплейстоцен, ранний палеолит, олдован, ашель, Каспийское море, трансгрессии, фауна, флора

Благодарности

Анализ археологических материалов был проведен в рамках программы НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии»; обработка и систематизация материалов естественнонаучного блока данных осуществлялась за счет гранта РФФИ № 18-00-00660-КОМФИ

Для цитирования

Анойкин А. А. Восточный Кавказ в позднем эоплейстоцене: палеогеография и археология // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография. С. 46–56. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-46-56

East Caucasus in the Late Eopleistocene (Calabrian): Palaeogeography and Archaeology

A. A. Anoinin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The results of the archaeological work in the Caucasus in the 21st Century indicate that it has been intensively populated since the beginning of the Quaternary Period. The problems of the natural environments in the Early Pleistocene and the material culture of the early Homo are fundamental for understanding the ancient history of the Caucasus.

The Late Eopleistocene (Calabrian) in the East Caucasus corresponds to the Apsheron stage of the history of the Caspian Sea (1.7–0.8 Ma). The palaeolandscape of the southeast of Eastern Europe, including the Eastern Caucasus, during this period is comparable to the modern open landscapes in Africa. Palynological data show that in the East Cau-

© А. А. Анойкин, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography

casus, the high-altitude zonation of vegetation was already present in the Apsheron; its formation was associated with the tectonic uplift of the Greater Caucasus.

The wildlife is characterized by the Taman complex, indicating the adaptation of the steppe fauna to the fall of temperature and increasing humidity of the climate, as well as expansion of the forested areas.

Sites of the Apsheron time have been found in several districts of the Caucasus and Ciscaucasia: Central Dagestan (Akusha group of sites), Kurinskaya Depression in Azerbaijan (Garadzha), Lori Plateau in Armenia (Muradovo, Kur-tan), South-Georgian Highlands (Amiranis-Gora), Taman Peninsula (Bogatyri, Rodniki-1-4).

Results. For the Calabrian, several stone industries are known in the Caucasus – Oldowan/pebble-flake, Early Palaeolithic small tool industry and Early Acheulean. The most expressive early complexes with bifaces date to the end of the Apsheron period and contain a significant number of Oldowan elements (Garadzha).

Conclusion. Analysis of the natural conditions and fluctuations of the Caspian palaeobasin shows that the development of archaeological cultures in the eastern part of the Caucasus occurred during stable and favourable natural conditions, and it was of a weak evolutionary character.

Keywords

Caucasus, Eopleistocene, Early Paleolithic, Oldovan, Ashealean, Caspian Sea, transgressions, fauna, flora

Acknowledgements

The analysis of archaeological materials was carried out according to research program no. 0329-2019-0002 “The most ancient cultural processes in the territory of Central Asia”, the processing and systematization of natural science data was supported by the RFBR grant no. 18-00-00660-COMFI

For citation

Anoikin A. A. East Caucasus in the Late Eopleistocene (Calabrian): Palaeogeography and Archaeology. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 46–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-46-56

Введение

Изучение раннего палеолита в Кавказском регионе берет отсчет с 1934 г., когда С. Н. Замятниным были обнаружены первые ашельские памятники на черноморском побережье и в северной зоне Кавказа (Яштух, Фортепянка и др.). В послевоенные сороковые годы были открыты два новых района сосредоточения раннепалеолитических объектов: Армения и Южная Осетия (Сатани-дар, Лаше-Балта и др.). В 1950–1960-е гг. исследовались многослойные пещерные стоянки (Кударо I, Цона, Азых, Треугольная и др.), а также большое количество открытых местонахождений в основном с подъемными материалами в Центральном и Западном Кавказе [Любин, 1989]. После открытия в Дманиси (Грузия) остатков гоминидов возрастом около 1,8 млн л., залегающих вместе с каменными орудиями, территория Кавказа стала рассматриваться как один из основных миграционных коридоров уже с начального заселения Евразийского материка [Lumley et al., 2006]. При этом территория западного побережья Каспийского моря была до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа, а единственной стратифицированной стоянкой раннего палеолита здесь долгое время оставалась пещера Азых. Ситуация в регионе изменилась в XXI в., когда за два десятилетия на Кавказе и в Предкавказье было открыто свыше десятка новых памятников, относящихся к эоплейстоцену. Результаты этих работ показали, что Кавказ в целом и его каспийское побережье в частности активно осваивались человеком с самых ранних этапов антропогена. С какими природными обстановками связана колонизация древними популяциями *Ното* этих территорий, какова специфика их материальной культуры – эти вопросы являются крайне важными и актуальными для реконструкции ранней истории Кавказа и начальных этапов антропогенеза в целом. Целью данной работы является попытка определить современное состояние наших знаний по названной проблематике применительно к территории Восточного Кавказа, относительно нового района в плане изучения раннего палеолита для Кавказского региона. Основными задачами исследования являются проведение комплексного анализа природных обстановок на рассматриваемой территории в позднем эоплейстоцене, характеристика археологических индустрий апшеронского времени, известных на Восточном Кавказе и их сравнение с материалами синхронных памятников других регионов Кавказа.

Результаты исследований и обсуждение

В четвертичный период на Восточном Кавказе одним из основных палеогеографических факторов, формирующих текущие ландшафтно-климатические обстановки, была трансгрессивно-регрессивная изменчивость Каспийского моря, которая, в свою очередь, определялась сложным сочетанием климатических, геологических и других природных явлений.

Поздний эоплейстоцен (калабрий) на Восточном Кавказе соответствовал апшеронскому этапу истории Каспийского палеобассейна.

В настоящее время граница между апшеронским и предшествующим позднеакчагыльским этапом четко не определена. Многими исследователями подчеркивается постепенность и неопределенность фациальных изменений в толщах отложений позднего акчагыля и раннего апшерона. Поэтому начало апшеронского времени, по разным оценкам, относится к широкому хронологическому интервалу в диапазоне 1,7–1,4 млн л. н. Верхним рубежом этого периода считается граница палеомагнитных эпох Матуяма-Брюнес (~ 0,8 млн л. н.) [Леонтьев, 1968; Рычагов, 1997; Федоров, 1978; Свиточ, 1991].

На протяжении всего времени уровень Апшеронского моря даже на максимальных отметках был значительно ниже Акчагыльского, соответственно меньше была и его площадь. Отличительной чертой данного палеоморя являлось отсутствие постоянной связи между ним и Мировым океаном, т. е. Каспий впервые стал полностью изолированным [Леонтьев, 1968].

Максимальный уровень поднятия воды в апшеронский цикл большинство исследователей, опираясь на анализ распространения соответствующих отложений на северных и восточных берегах Каспийского моря, менее подверженных тектоническим подвижкам, оценивает в пределах +50 м [Леонтьев, 1968; Рычагов, 1997; Федоров, 1978].

Другим важным фактором, влияющем на климатические обстановки в этой части Кавказа, являлись гляциальные события, наиболее ранние из которых, по мнению ряда исследователей, могли происходить в финале акчагыльского времени. В целом же по вопросу о древних оледенениях на Кавказе, так же как и по проблеме трансгрессий Каспийского палеобассейна, у специалистов не существует единого мнения. Споры вызывают все основные аспекты оценки гляциальных явлений, включая количество периодов наступления ледников, площади их распространения и общую хронологию.

Многие исследователи указывали, что на Кавказе сохранились ясные следы лишь позднечетвертичного оледенения, но допускали наличие и более ранних гляциальных событий, выделяя до трех-четырёх оледенений. Считается, что самое раннее оледенение Большого Кавказа относится к апшеронскому времени, а в районе Эльбруса оно, возможно, проявилось еще раньше – в позднем акчагыле. Наличие в эти периоды значительных по площади оледенений обосновывается либо присутствием в периферийных зонах Большого Кавказа отложений соответствующей хронологической позиции, предположительно имеющих моренный характер, либо предполагаемой синхронностью трансгрессивных этапов каспийского палеобассейна и гляциальных стадиялов [Милановский, 1968]. Однако вопрос о возрасте и генезисе упомянутых валунно-галечных отложений остается дискуссионным, а прямая связь криохронов с трансгрессиями Каспия не имеет однозначного фактического подтверждения [Щербакова, 1973].

Трансгрессивно-регрессивная динамика моря оказывала большое влияние на рельеф побережья. Так, площадь приморских низменных равнинных территорий в трансгрессивные этапы резко сокращалась, а в регрессивные, наоборот, увеличивалась. В наиболее крупные регрессивные этапы (например, в тюркянский (финал апшерона), с отметками уровня стояния воды ≈ -150 м) площадь Каспия резко сокращалась, и он мог распасться на два изолированных палеобассейна в южной и северной котловинах [Леонтьев и др., 1977]. Таким образом создавался обширный меридиональный сухопутный коридор вдоль всей восточной оконечности Кавказа, а также существенно упрощалась связь этих территорий с западным сектором Центральной Азии, что вело к взаимному проникновению флоры и фауны как по

северному и южному побережью котловин, так и по разделяющему их апшеронскому порогу (перешейку).

В целом природные условия начальных этапов апшерона, по имеющимся данным, близки к таковым в позднем акчагыле. В первую очередь, это подтверждается отсутствием изменений в составе фаунистических комплексов – начальным этапам апшеронского цикла соответствует псекупский териокомплекс, сформировавшийся еще в финале акчагыльского времени.

Позднее, около 1,4–1,2 млн л. н., в западной и центральной частях евразийского материка происходило очередное крупное преобразование природной среды, связанное с новым значительным изменением климатических условий. В это время в результате резкого глобального похолодания на юге России окончательно исчезли ландшафты саванного типа и сформировался новый фаунистический комплекс [Титов, 2008].

Палинологические данные из Азербайджана (Ясамальская долина) и Дагестана (Александрийская скважина) свидетельствуют о произрастании в это время на территории Восточного Кавказа тсуги (*Tsuga*), березы (*Betula*), ольхи (*Alnus*), граба (*Carpinus*), ореха (*Juglans*), лапыны (*Pterocarya*), энгельхардии (*Engelhardia*), бука (*Fagus*), вяза (*Ulmus*), дуба (*Quercus*), каркаса (*Celtis*) [Филиппова, 1997]. Таким образом, на одной территории фиксировались растения, характерные как для умеренных влажных условий (береза), так и для субтропических и ксерофитных обстановок (энгельхардия, каркас). Одновременное присутствие растений, которые в настоящее время соответствуют разным природно-климатическим зонам, свидетельствует о том, что в апшероне на Восточном Кавказе уже существовала высотная поясность растительности.

Формирование поясности связано с тектоническим вздыманием Большого Кавказа, которое продолжалось в течение всего раннего плейстоцена. Считается, что наибольшего размаха оно достигло именно в апшеронское время. Кроме Эльбрусско-Ставропольского поперечного поднятия, оживились восходящие движения в области Адыгейского выступа и в Дагестане. Общий подъем Большого Кавказа сопровождался складчатостью в районе Передовых хребтов Восточного Предкавказья и Таманского полуострова. По разломам проявилась активная вулканическая деятельность, а в Чегемском районе – мощные покровные излияния [Сафронов, 1972].

Сформированная территориальная и вертикальная зональность определяла палеоэкологическую ситуацию на данной территории на протяжении всего плейстоцена, сопровождаясь изменением площади распространения определенных биотопов и высотными сдвигами растительных поясов в зависимости от температурного режима и степени увлажненности в палеоклимате каждого периода.

Характер растительных сообществ апшеронского времени свидетельствует о том, что на предгорных равнинах и в предгорьях располагались степи с полынью, злаками, маревыми и другим разнотравьем. Ольха произрастала в низинных болотистых лесах. Приречные леса состояли из лапыны и вяза. Нижний горный пояс занимали широколиственные леса из граба, дуба с участием бука, липы, клена, каштана, ореха и хмелеграба. В травянистом покрове присутствовали злаки, разнотравье, папоротники. В среднем поясе гор произрастали хвойно-широколиственные и хвойные (сосновые, еловые, тсугово-пихтово-еловые) леса. Верхний пояс гор занимали хвойные леса с участием березы и сообщества нагорных ксерофитов с астрагалом. В южных приморских областях произрастали субтропические леса с присутствием каштанолистного дуба и иберийского клена [Филиппова, 1997; Деревянко и др., 2012; Амирханов, 2016].

В период около 1,4–1,2 млн л. н. на территории юго-восточной части Восточной Европы происходило формирование нового, таманского, фаунистического комплекса (стратотип расположен на Таманском п-ове, местонахождение Синяя Балка). В Западной Европе этому периоду соответствовали переходные териокомплексы между поздним виллафранком и галерием [Титов, 2008].

Согласно стратотипу, основу таманского комплекса составляли *Archidiskodon meridionalis tamanensis* (таманский слон) и *Elasmotherium caucasicum* (эласмотерий кавказский). Присутствовали также *Canis tamanensis* (таманский волк), *Canis lycaonoides* (плейстоценовый евразийский волк), *Pachycrocuta brevirostris* (гигантская короткомордая гиена), *Panthera* sp. (пантера), *Homotherium latidens* (саблезубая кошка), *Lutra simplicidens tamanensis* (выдра таманская), *Equus major* и *Equus sussenbornensis* (древние лошади), *Eucladoceros pliotarandoides* (древний олень), *Bison tamanensis* (таманский бизон). Для этого времени характерно появление большерогих оленей *Praemegaceros* и *Megaloceros*, оленей из группы благородных *Cervus acoronatus*, косуль *Capreolus sussenbornensis*, широколобых лосей *Alces latifrons*, короткорогих бизонов *Bison schoetensacki* (бизон Шетензака), свиней *Sus tamanensis*; первое распространение лесных антилоп *Tragelaphus* и *Pontoceros*; присутствие верблюдов *Paracamelus kujalnensis* и, в южных районах, бегемотов *Hippopotamus georgicus* [Верещагин, 1959; Алексеева, 1977].

Как можно видеть, в период существования таманского комплекса продолжалась дальнейшая адаптация фауны степного типа к обитанию в условиях нарастающего похолодания и увлажнения. Преобладали крупные формы лошадей, эласмотерии, зубры, олени (сложнорогие, благородные, большерогие), крупные лоси, кабаны, антилопы, южные слоны (высокоразвитая поздняя форма). Судя по общему облику таманской фауны, на территории юга Восточной Европы господствовали те же ландшафты, что и в предшествующее время. Однако обилие оленей, присутствие лосей и кабанов указывают на значительную залесенность, в частности, равнинных районов территории северного Предкавказья.

В целом, по имеющимся естественнонаучным данным, климат западного побережья Каспия на протяжении раннего и среднего плейстоцена не испытывал резких изменений. На фоне постепенного общего континентального похолодания здесь происходили периодические смещения климатических зон в двух направлениях: широтные сдвиги (от влажного умеренно прохладного климата к относительно теплому полупустынному / степному и обратно) и высотные изменения границ ландшафтных поясов в горных и предгорных районах [Каплин, Селиванов, 1999]. Практически все западное побережье Каспия даже в гляциальные эпохи было свободно от вечных снегов и льдов, так как оледенения не имели тут такого распространения, как на Западном и Центральном Кавказе, в силу ряда сдерживающих факторов – экранирующая роль Главного и Бокового хребтов с юга и запада; проникновение сухих и теплых воздушных масс из западных районов Центральной Азии. Более того, в гляциальные периоды в этой части Кавказа происходило и некоторое смягчение аридного континентального климата.

Таким образом, палеоэкологические условия на территории Восточного Кавказа в эоплейстоцене и на более поздних этапах антропогена были более благоприятными для существования и расселения древних человеческих популяций, чем в других частях Кавказского региона.

В настоящее время в палеолите Кавказа сложилась парадоксальная ситуация, когда в регионе известно больше стратифицированных объектов возрастом около 1,8 млн л. и древнее (Дманиси, Мухкай I и II, Рубас, Кермек и др.), чем относящихся ко второй половине эоплейстоцена [Щелинский и др., 2010; Деревянко и др., 2012]. Памятники этого возраста зафиксированы пока только в нескольких районах Кавказа и Предкавказья: в Центральном Дагестане (акушинская группа местонахождений), в Куринской впадине в Азербайджане (Гараджа), на Лорийское плато в Армении (Мурадово, Куртан), на Южно-Грузинском нагорье (Амиранис-гора) и на Таманском п-ове (Богатыри, Родники-1, 4). Стоит отметить, что возраст всех этих комплексов определялся на основе естественнонаучных данных, в основном биостратиграфических, и для них нет ни одной абсолютной датировки.

Акушинская группа стоянок в Центральном Дагестане (Северо-Восточный Кавказ) включает более десяти разновременных раннепалеолитических комплексов, охватывающих интервал от 2,2 млн до 0,8 млн л. н. и насчитывающих несколько тысяч артефактов [Амирха-

нов, 2016]. Ко второй половине эоплейстоцена здесь относятся стратифицированные комплексы верхней части разрезов памятников Мухкай I и II, Айникаб I, а также подъемные материалы местонахождений Айникаб II–VI. Хронология стратифицированных комплексов была установлена на основе биостратиграфических данных, палеогеографических реконструкций, а также палеомагнитного анализа отложений. Предполагаемый возраст подъемных комплексов определяется их геоморфологической позицией и обликом каменного инвентаря.

Раннепалеолитические комплексы этого археологического района близки по своим технико-типологическим характеристикам на всех этапах своего существования и относятся к единой индустрии, основанной на утилизации местного желвачного кремня. Нуклеусы немногочисленны и представлены простыми однофронтальными формами или бессистемными ядрищами. В качестве орудийных основ часто использовались кремневые отдельные, реже уплощенные обломки и небольшие отщепы. Основную часть орудийного набора составляли крупные рубящие орудия, такие как разнообразные чопперы и пики. Присутствовали также скребла, мелкие атипичные скребки, выемчатые и шиповидные / остроконечные орудия и ножи; в наиболее поздних комплексах – единичные изделия с бифасиальной обработкой [Деревянко и др., 2012; Амирханов, 2016]. Исследователи относят все раннепалеолитические комплексы акушинской котловины к индустриям олованского круга, прослеживая их значительное сходство с материалами Дманиси.

В приморской зоне Северо-Восточного Кавказа памятники апшеронского возраста к настоящему времени не обнаружены. При этом на данной территории известно большое количество стоянок более позднего (бакинского) возраста, а также памятники раннеэоплейстоценового времени. Такая ситуация может объясняться слабой сохранностью апшеронских отложений в этой части Прикаспия, а также тем, что на этот период приходились наиболее мощные регрессии Каспия, когда береговая линия отступала на десятки километров. Таким образом, наиболее удобные для заселения участки древнего побережья в настоящее время могут быть скрыты водой.

На Юго-Восточном Кавказе известен только один памятник, предположительно датируемый апшеронским временем, – местонахождение Гараджа в Азербайджане. Оно локализовано на Мингечаурском водохранилище, где на береговых размывах было выявлено 6 пунктов локализации археологического и палеонтологического материала. По составу фауны (южный слон) и характеристике вмещающих отложений возраст артефактов был определен финалом апшеронского времени. Общая коллекция каменного инвентаря насчитывает около 200 экз. и включает единичные однофронтальные нуклеусы, крупные сколы и представительный орудийный набор, основу которого составляют чопперы и бифасы (рубила). Присутствуют также пики, кливеры, полиэдры, скребла [Кулаков, Зейналов, 2014]. Исследователи выделяют эти материалы в специфическую «гараджинскую» индустрию, рассматриваемую в рамках ашеля, и находят отдельные сходные с ней элементы в куручайской культуре Азыха.

Наиболее известный раннепалеолитический памятник на территории Юго-Восточного Кавказа – пещера Азых в Нагорном Карабахе, по сравнению с упомянутыми стоянками имеет существенно более молодой возраст ~0,8–0,3 млн л. (слои X–VII) [Гусейнов, 2010; Fernández-Jalvo et al., 2016]. Индустрия нижних слоев Азыха немногочисленна (~ 200 экз.) и представлена преимущественно крупными рубящими орудиями (чопперы, чоппинги) и массивными скребловидными формами. Первичное расщепление характеризуется в первую очередь бессистемными кубовидными ядрищами и крупными отщепами. В целом индустрия нижних слоев Азыха, ранее определяемая автором раскопок М. М. Гусейновым как «галечный этап куручайской культуры», с полным правом может быть отнесена к кругу олованских / галечно-отщеповых индустрий Кавказа [Гусейнов, 2010; Деревянко, 2015].

Расположенная в Грузии (Юго-Западный Кавказ) стоянка Амиранис-гора находится в 100 км к северо-западу от Дманиси. Здесь на глубине около 1 м от дневной поверхности был зафиксирован культуросодержащий слой, где наряду с большим количеством остеологического материала был найден 21 каменный артефакт. В коллекции представлены скребла, атипич-

ные скребки, рубяще-режущие орудия, простейшие однофронтальные нуклеусы, отщепы, а также небольшие гальки (манупорты) и фрагмент красной охры. Все изделия выполнены на местных андезит-базальтах. Их возраст определялся на основе анализа сопровождающей фауны (трогонтериевый и южный слоны, гиппарионовидная и зюссенборнская лошади, этрусский носорог, гигантский олень, саблезубый тигр, бегемот и др.), а также результатах палеомагнитного датирования. Последние показали, что формирование слоя с культурными остатками, скорее всего, происходило во время, непосредственно предшествующее палеомагнитному эпизоду Харамильо эпохи Матуяма и соответствует возрасту ~ 1,2–1,0 млн л. [Любин, Беляева, 2006]. На памятнике была получена представительная коллекция подъемных материалов, включающая наряду со сколами и невыразительными ядрищами чопперы, чоппинги и бифасиальные орудия. Культурная принадлежность индустрии авторами исследования не определялась в силу малой представительности коллекции, но в целом она не выходит за пределы индустриальной изменчивости олдованских комплексов, зафиксированных на этой территории (Дманиси).

Материал с территории Армении – Куртан и Мурадово (слой 3), датируются в основном геостратиграфическими методами, исходя из возраста подстилающих вулканических отложений, а также на основе типологии каменных артефактов. В связи с этим определение их возраста как близкого 1 млн л., носит больше предположительный характер. Материалы с обоих памятников достаточно представительны (более 100 экз. изделий с каждого) и включают, наряду с простыми однофронтальными нуклеусами, отщепами, чопперами, пиками, скреблами, атипичными скребками, также и двухсторонне обработанные орудия, в том числе копьевидный бифас [Беляева, Любин, 2013]. В качестве сырья использовались местные вулканические горные породы – дацит, риолит и базальт. Исследователи определяют эти индустрии как относящиеся к раннему и среднему ашелю.

Наиболее удаленной от Восточного Кавказа является таманская группа раннепалеолитических стоянок, включающая памятники Родники-1, 4, Богатыри и Кермек. На основе биостратиграфических данных их возраст определяется интервалом ~ 1,6–1,2 млн л. (кроме Кермека) [Щелинский и др., 2010; Щелинский, 2013]. На всех стоянках представлена единая индустрия (всего более 2 000 артефактов), основанная на местных доломитах. Кроме использования однофронтальных грубопризматических (с круговым фронтом по периметру отдельности) и бессистемных ядрищ, часто применялась техника дробления обломков сырья. Основными орудийными категориями были крупные рубящие формы (чопперы, пики, кливеры), массивные чопперовидные скребла и нуклевидные скребки, а также скребла. Хорошо представлены зубчато-выемчатые и остроконечные (шиповидные, клювовидные) формы. Отмечены единичные экземпляры изделий с признаками бифасиальной обработки. Исходя из особенностей первичного расщепления и состава орудийного набора, ряд исследователей определяют эту индустрию как «пред-ашельскую», отмечая присутствие в ней олдованских и ашельских элементов [Щелинский и др., 2010; Щелинский, 2013]. Другие относят ее непосредственно к олдованской (галечно-отщеповой) традиции [Деревянко, 2015; Амирханов, 2016]. В целом же данные комплексы, при общем сходстве с материалами Дманиси и стоянок акушинской группы, выглядят более развитыми за счет большего разнообразия и типологической выраженности орудийных форм, а также системности приемов вторичной обработки.

Заключение

Таким образом, в позднем эоплейстоцене на Кавказе фиксируется наличие как минимум двух различных индустрий – олдованской / галечно-отщеповой (акушинская и таманская группы стоянок) и комплексов с бифасами, определяемыми рядом специалистов как ранний кавказский ашель – Куртан, Мурадово (слой 3) и др.). При этом не все авторы разделяют уверенность в выделении здесь столь ранних индустрий «ашельского облика» [Деревянко, 2015; Амирханов, 2016], тем более что публикация археологических материалов ашельских

памятников Лорийского нагорья носит пока предварительный характер и их сравнительная культурная атрибуция с кавказскими индустриями олдованского круга затруднена. Стоит также отметить, что наиболее выразительные ранние комплексы с ашельскими элементами относятся к финалу апшеронского времени или к более поздней раннебакинской трансгрессии и имеют в своем составе значительное количество олдованских элементов (Гараджа) [Кулаков, Зейналов, 2014]. В настоящее время вопрос о появлении индустрий ашельского облика на Кавказе является остродискуссионным, а хронология этого явления рассматривается разными авторами в интервале от 1,8 млн до 0,6 млн л. н. [Беляева, Любин, 2013; Деревянко, 2015; Амирханов, 2016].

Стоит также отметить, что для территории Восточного Кавказа можно предполагать существование в это время и раннепалеолитических мелкоорудийных комплексов, хорошо изученных на материалах стоянки раннего эоплейстоцена Рубас-1 и индустриях бакинского (ранний неоплейстоцен) возраста Дарвагчайского геoarхеологического района (Дарвагчай-1 и др.) [Деревянко и др., 2012]. Данное предположение основывается на преемственности указанных индустрий, имеющих значительное сходство как в приемах первичной обработки каменного сырья, так и в типологии орудийной составляющей. Отсутствие же на территории Западного Прикаспия «промежуточных» мелкоорудийных комплексов ашельского возраста может объясняться геологической историей этой зоны Кавказа (см. выше).

Анализ природных обстановок и колебаний Каспийского палеобассейна показывает, что развитие археологических культур в восточной части Кавказа, происходило в стабильных и благоприятных природных обстановках и носило слабый эволюционный характер. Основные ассамбляжи апшеронского возраста локализованы рядом с комплексами более раннего времени (акушинская и таманская группы) и даже присутствуют в одних стратиграфических разрезах с ними (Мухкай I и II). При этом раннепалеолитические индустрии внутри одного археологического района слабо отличаются друг от друга в технико-типологическом плане, а большинство их показывает развитие олдованской / галечно-отщеповой традиции.

Такой преемственности могла способствовать определенная изолированность региона, связанная с трансгрессивным режимом Каспийского моря. Так, на пике апшеронской трансгрессии воды Манычского пролива с севера и Куринской депрессии с юга сильно ограничивали передвижение населения в меридиональном направлении.

В финале апшерона на Восточном Кавказе фиксируются существенные изменения материальной культуры, связанные с появлениями в каменных индустриях ашельских элементов, в первую очередь бифасиальных орудий. Показательно, что наиболее выразительный комплекс этого времени – Гараджа, находится в пределах Куринской депрессии, определявшей границы древнего апшеронского палеобассейна.

Список литературы

- Алексеева Л. И.** Териофауна раннего антропогена Восточной Европы (крупные млекопитающие) // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1977. Вып. 300. 214 с.
- Амирханов Х. А.** Северный Кавказ: начало преистории. Москва; Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.
- Беляева Е. В., Любин В. П.** Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Верещагин Н. К.** Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
- Гусейнов М.** Древний палеолит Азербайджана. Баку: Текнур, 2010. 220 с.
- Деревянко А. П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. 612 с.

- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.** Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Каплин П. А., Селиванов А. О.** Изменения уровней морей России и развитие берегов: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГЕОС, 1999. 299 с.
- Кулаков С. А., Зейналов А. А.** Первый топорик (*hachereau sur éclat, flake cleaver*) в ашеле Кавказа // *Stratum Plus*. 2014. № 1. С. 17–27.
- Леонтьев О. К.** Эволюция берегов Каспия в верхнем плиоцене и четверичном периоде // Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 106–140.
- Леонтьев О. К., Маев Е. Г., Рычагов Г. И.** Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. М.: Изд-во МГУ, 1977. 212 с.
- Любин В. П.** Палеолит Кавказа // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–142.
- Любин В. П., Беляева Е. В.** Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 108 с.
- Милановский Е. Е.** Новейшая тектоника Кавказа. М.: Недра, 1968. 483 с.
- Рычагов Г. И.** Плейстоценовая история Каспийского моря. М.: Изд-во МГУ, 1997. 267 с.
- Сафронов И. Н.** Палеогеоморфология Северного Кавказа. М.: Наука, 1972. 157 с.
- Свиточ А. А.** Колебания уровня Каспийского моря в плейстоцене // Палеогеография и геоморфология Каспийского региона в плейстоцене. М.: Наука, 1991. С. 3–100.
- Титов В. В.** Крупные млекопитающие позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 264 с.
- Федоров П. В.** Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 166 с.
- Филиппова Н. Ю.** Палинология верхнего плиоцена – среднего плейстоцена юга Каспийской области. М.: ГЕОС, 1997. 164 с.
- Щелинский В. Е.** Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 153–171.
- Щелинский В. Е., Додонов А. Е., Байгушева В. С., Кулаков С. А., Симакова А. Н., Тесак А. С., Титов В. В.** Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 11–46.
- Щербакова Е. М.** Древнее оледенение Большого Кавказа. М.: Изд-во МГУ, 1973. 271 с.
- Fernández-Jalvo Y., King T., Yepiskoposyan L., Andrews P.** (eds.). *Azokh Cave and the Transcaucasian Corridor*. New York, Springer, 2016, 350 p.
- Lumley M.-A. de, Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D.** Les restes humains du Pliocène final et du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi, en Géorgie (1991–2001). I-Les crânes, D 2280, D 2282, D 2700. *L'Anthropologie*, 2006, vol. 110, p. 1–110.

References

- Alekseeva L. I.** Teriofauna rannego antropogena Vostochnoi Evropy (krupnye mlekopitaiuschie) [Early Anthropogen theriofauna from Eastern Europe (large mammals)]. In: *Trudy GIN AN SSSR* [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1977, iss. 300, 214 p. (in Russ.)
- Amirkhanov Kh. A.** Severnyi Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: The Beginning of Pre-history]. Moscow, Makhachkala, Mavraev Publ., 2016, 344 p. (in Russ.)
- Beliaeva E. V., Lyubin V. P.** Ashel'skie pamyatniki Severnoi Armenii [Acheulean sites of Northern Armenia]. In: *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii* [Basic issues in archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, p. 37–52. (in Russ.)

- Derevianko A. P.** Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii [Three global human migrations in Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 1: The origin of humans and peopling of Southwestern, Southern, Eastern and Southeastern Asia and the Caucasus, 612 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoin A. A., Rybalko A. G.** Problemy paleolita Dagestana [Issues on Paleolithic of Dagestan]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.)
- Fedorov P. V.** Pleistotsen Ponto-Kaspiya [Pleistocene of the Ponto-Caspian]. Moscow, Nauka, 1978, 166 p. (in Russ.)
- Fernández-Jalvo Y., King T., Yepiskoposyan L., Andrews P.** (eds.). Azokh Cave and the Transcaucasian Corridor. New York, Springer, 2016, 350 p.
- Filippova N. Yu.** Palinologiya verkhnego pliotsenasrednego pleistotsena iuga Kaspiiskoi oblasti [Palynology of the Upper Pliocene-Middle Pleistocene of the South of the Caspian Region]. Moscow, GEOS Publ., 1997, 164 p. (in Russ.)
- Guseinov M.** Drevnii paleolit Azerbaidzhana [Ancient Paleolithic of Azerbaijan]. Baku, Teknur Publ., 2010, 220 p. (in Russ.)
- Kaplin P. A., Selivanov A. O.** Izmeneniya urovnei morei Rossii i razvitie beregov: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Changes in the sea levels of Russia and shoreline development: past, present, future]. Moscow, GEOS Publ., 1999, 299 p. (in Russ.)
- Kulakov S. A., Zeinalov A. A.** Pervyi toporik (hachereau sur éclat, flake cleaver) v ashele Kavkaza [The First Flake Cleaver (hachereau sur éclat, flake cleaver) in the Acheulean of the Caucasus]. *Stratum Plus*, 2014, no. 1, p. 17–27. (in Russ.)
- Leontev O. K.** Evoliutsiya beregov Kaspiya v verkhnem pliotsene i chetverichnom periode [The evolution of the coasts of the Caspian Sea in the Upper Pliocene and the Quaternary]. In: Geomorfologicheskii analiz pri geologicheskikh issledovaniyakh v Prikaspiiskoi vpadine [Geomorphological analysis during geological studies of the Caspian depression]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1968, p. 106–140. (in Russ.)
- Leontev O. K., Maev E. G., Rychagov G. I.** Geomorfologiya beregov i dna Kaspiiskogo morya [Geomorphology of the coasts and seabed of the Caspian Sea]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1977, 212 p. (in Russ.)
- Lumley M.-A. de, Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D.** Les restes humains du Pliocène final et du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi, en Géorgie (1991–2001). I-Les crânes, D 2280, D 2282, D 2700. *L'Anthropologie*, 2006, vol. 110, p. 1–110.
- Lyubin V. P.** Paleolit Kavkaza [Paleolithic of Caucasus]. In: Paleolit mira. Paleolit Kavkaza i Severnoi Azii [Paleolithic of World. Paleolithic of Caucasus and Nord Asia]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 9–142. (in Russ.)
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V.** Rannaya preistoriya Kavkaza [Early Prehistory of Caucasus]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Pub., 2006, 108 p. (in Russ.)
- Milanovsky E. E.** Noveishaia tektonika Kavkaza [The latest tectonics of the Caucasus]. Moscow, Nedra Publ., 1968, 483 p. (in Russ.)
- Rychagov G. I.** Pleistotsenovaya istoriya Kaspiiskogo morya [Pleistocene history of the Caspian Sea]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1997, 267 p. (in Russ.)
- Safronov I. N.** Paleogeomorfologiya Severnogo Kavkaza [Paleogeomorphology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1972, 157 p. (in Russ.)
- Shchelinsky V. E.** Kermek – stoyanka nachal'noi pory rannego paleolita v Yuzhnom Priazov'e [Kermek – Initial Early Paleolithic site in the Southern Azov]. In: Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii [Basic issues in archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS, 2013, p. 153–171. (in Russ.)
- Schelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.** Rannepaleoliticheskie pamyatniki Tamanskogo poluoostrova (Yuzhnoe Priazov'e) [Early Paleolithic Sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region)] In: Drevneishie obitateli Kavkaza i rasselenie predkov cheloveka v Evrazii [The Earliest Inhabit-

- ants of the Caucasus and Hominid Dispersals at Eurasia]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2010, p. 11–46. (in Russ.)
- Shcherbakova E. M.** Drevnee oledenenie Bol'shogo Kavkaza [Ancient glacial period of the Greater Caucasus]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1973, 271 p. (in Russ.)
- Svitoch A. A.** Kolebaniya urovnya Kaspiiskogo morya v pleistotsene [Fluctuations in the level of the Caspian Sea in the Pleistocene]. In: Paleogeografiya i geomorfologiya Kaspiiskogo regiona v pleistotsene [Paleogeography and geomorphology of the Caspian region in the Pleistocene]. Moscow, Nauka, 1991, p. 3–100. (in Russ.)
- Titov V. V.** Krupnye mlekopitaiushchie pozdnego plio-tsena Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Late Pliocene large mammals from Northeastern Azov]. Rostov on Don, SSC RAS Publ., 2008, 264 p. (in Russ.)
- Vereshchagin N. K.** Mlekopitaiushchie Kavkaza. Istoriya formirovaniya fauny [Mammals of the Caucasus. The history of the formation of fauna]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 704 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
27.04.2020*

Сведения об авторе

Анойкин Антон Александрович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
anui1@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2383-2259

Information about the Author

Anton A. Anoinin, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology
and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
anui1@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2383-2259